

*Карлов В.В.**

Идеи К. Маркса о детерминации социальных систем и этнические процессы

Аннотация: в статье предпринимается анализ использования идей Карла Маркса, касающихся детерминации процессов развития человечества, в отечественной науке применительно к проблемам типологии этнических процессов и этнических общностей. Автор полагает, что под видом марксистского подхода в значительной степени долго преобладал эволюционизм, лишь немного завуалированный под марксизм. Кроме того, подгонка типов этнической общности под марксистскую схему общественно-экономических формации была довольно формальной и не опиравшейся на собственно этнографические материалы, что привело к неверному пониманию сути таких феноменов как племя, народность и нация в качестве типов этнической общности. Вместе с тем этнология прошла мимо основополагающих идей Маркса относительно систем социальной связи, лежащих в основании детерминации общества на разных этапах истории. Именно эти идеи помогают понять сущность таких феноменов как этнос, нация, этнические и национальные процессы в конкретных исторических обстоятельствах.

Ключевые слова: К. Маркс, детерминация социальных систем, типология этносов, этнические общности, этнические процессы

УДК 39+930.1

Abstract: the article analyzes the use of Karl Marx's ideas concerning the determination of the processes of human development in the national science in relation to the problems of typology of ethnic processes and ethnic communities. The author believes that for a long time in a significant extent evolutionism was dominated under the guise of the Marxist approach, just slightly disguised as Marxism. In addition, fitting the types of ethnic community to the Marxist scheme of socio-economic formation was quite formal and not based on the actual ethnography. This fact led to the wrong understanding of the essence of such phenomena as tribe, folk and nation as types of ethnic community. At the same time, fundamental Marx's ideas about social relations, which lies at the basis of the determination of society at different stages of history, influenced on ethnology. It is these ideas that help to understand the essence of such phenomena as ethnicity, nation, ethnic and national processes in specific historical circumstances.

Key words: K. Marx, determination of social systems, typology of ethnic groups, ethnic communities, ethnic processes

* *Карлов Виктор Владимирович* – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vikarlov@mail.ru)

Отечественная этнография/этнология имеет довольно сложную историю взаимоотношений с марксистской теорией, несмотря на то, что в послереволюционный период приоритет приверженности к марксизму в нашей области знания, как, впрочем, и в других общественных науках, непременно подчеркивался, особенно на официальном академическом уровне. Влияние марксизма на этнографическую науку страны началось, конечно, значительно раньше 1917 г., отразив рост популярности идей К. Маркса во всей мировой научной мысли, частью которой, несомненно, была и Россия. Достаточно вспомнить работы таких авторов, как Н.И. Зибер, М.М. Ковалевский, и ряда других¹. Кроме того, огромную роль сыграли эволюционистские работы Л.Г. Моргана, взятые за основу Ф. Энгельсом в его известном популярном изложении истории семьи, частной собственности и государства. Эта близость построений эволюционизма и марксистских представлений об исторической динамике развития человечества, бесспорно, немало способствовала знакомству образованной части общества с соответствующими воззрениями как эволюционистов, так и марксистов. Однако, это же обстоятельство впоследствии определило то, что в теоретическом плане под видом марксизма и марксистского подхода в нашей науке нередко фактически преобладал слегка завуалированный под марксистскую теорию эволюционизм. Благо что было нетрудно сослаться на какое-либо из изложенных Энгельсом положений концепции Моргана, и затем, отдав дань «марксизму», излагать свой конкретный материал.

Понятно, что вместе с вполне объективными достоинствами эволюционной парадигмы, были унаследованы от эволюционизма и его «родовые» недостатки. Лишь в очень редких случаях, когда материал особенно сопротивлялся научной схеме, приходилось переосмысливать исходные положения, как это произошло, например, с «теорией группового брака». Разумеется, критикам приходилось добавлять, что Ф. Энгельс не виноват, он лишь повторил трактовку Моргана, ошибочно истолковавшего терминологию родства и перенесшего значение терминов классификационной системы на некогда якобы реально практиковавшиеся брачно-половые отношения.

В целом же достаточно древний концепт «дикость – варварство – цивилизация» в объяснении хода развития человечества продолжал работать, а этнографы соотносили свой материал о докапиталистических формах бытия народов в основном с марксистско-эволюционистскими определениями социальных форм родоплеменного этапа общественных отношений (род, кровнородственная община, соседская община, племя, и т.д.).

Значительно сложнее обстояло дело с классификацией научного знания о народах мира, когда в общественные науки, в том числе в этнографию, внедрился формационный подход и утвердилась «незыблемая» пятичленная схема общественно-экономических формаций: первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая (первым этапом которой был

¹ Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937; Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879; он же. Закон и обычай на Кавказе. М., 1887.

социализм). Можно констатировать, что данная схема в целях типологизации исторического материала была и остается вполне полезной, будучи основана на серьезном анализе реальных социально-производственных отношений. Однако ее абсолютизация и попытка применения ко всему множеству и разнообразию организационных форм и социальных институтов народов мира далеко не всегда приводила к плодотворным результатам. Во всяком случае, когда материал не совсем ложился в пятичленную градацию, его нередко стремились все же к ней подогнать, подстроить под некие порой искусственно (иногда даже искусно) изобретаемые историками формационные признаки. В ряду таких свидетельств об узости рамок пятиступенчатой схемы формаций можно вспомнить дискуссии и множество публикаций о так называемом «азиатском способе производства» (попытках обосновать особую шестую формацию) для целой группы народов и их форм социальных отношений, которые не умещались в понятие о феодализме или иной классической формации.

Однако попытки обязательно «втиснуть» конкретный материал в какую-либо формационную схему, не всегда удачные или оставлявшие много места для споров и сомнений, не были единственной бедой нашей этнографической теории. Больше вреда теоретическим научным построениям нанесли науке стремления непременно подвести под формационную схему классификацию типов этнических общностей. То, что данная схема этнографам как бы была «спущена сверху», теоретиками исторического материализма, монополизировавшими наследие взглядов классиков марксизма на общество, автоматически обязывало этнографов «привязать» к пятичленной системе формаций соответствующие типы этнической общности. Так появилась «параллельная» формациям схема изменения и развития типов этнических общностей «племя – народность – нация», хотя и не из пяти этапов, как формации, а из трех: племя как тип этнической общности для первобытнообщинного периода, народность – для рабовладения и феодализма, нация – для капитализма и коммунизма. Остается по-своему парадоксальным фактом, что, несмотря на бурный этап постсоветского отхода от догматики не только псевдо-марксизма, но, к сожалению, и от серьезных эвристических позиций и возможностей марксизма подлинного, до сих пор многие отечественные издания учебного характера по сути повторяют трехчленную схему «типов этнических общностей». Что же касается академических исследований, то пока мы переживаем смутный период крайне простого по существу, но порой весьма изящного в словесном оформлении, постмодернистского ухода от глубинных научных изысканий в области типологии и классификации: логике и идеологии постмодерна в его подходе к действительности они принципиально противоречат.

Объяснение ситуации с типологией этнических общностей видится прежде всего в том, что данная «триада» общностей стала не результатом собственно этнологических обобщений, но именно несколько искусственной «привязкой» к формационной теории, которая выстроена на иных основаниях. Ведь, исходя из реального этнографического материала, следовало бы сначала по возможности четко

определить, что понимается под феноменом «этническая общность» и какова ее основополагающая, системообразующая специфика, а уже затем, на основании анализа изменений или вариаций таковой спецификации, выводить те или иные типы исследуемого социального феномена. По каким-либо явным или даже скрытым, не вполне очевидным, параметрам такую связь между выделенными типами проследить достаточно сложно. Например, племя обычно понимается как некая организационно-потестарная структура древности. А средневековая народность такой организационной структурой могла не обладать вовсе; нация же ей если и обладает, то, вероятно, по принципу принадлежности к государственному организму. Но тогда, учитывая то, что моноэтническое государство есть редчайшее исключение, если не аномалия, эпохи модерна, возникает закономерный вопрос о том, типом какой же этнической общности из всех этносов или их частей, составляющих государство, является нация. Трудность однозначного ответа на такой простой вопрос рождает более сложную постановку проблемы: а имеет ли вообще понятие «нация» сугубо этническое содержание. Если нет, то как она может рассматриваться в качестве «типа этнической общности»?

Здесь одним из ключевых вопросов оказывается вопрос о том, что такое этнос или этническая общность, четкого ответа на который современная наука, к сожалению, до сих пор не дала. Все определения, построенные на выделении суммы признаков феномена «этнос», даже в виде краткого их набора (язык, культура, самосознание), не позволяют применять определение ко всем народам мира. Ныне эти сложности иногда пытаются просто обойти, не употребляя понятие «этнос» вообще или сводя его к так называемым иллюзорным, воображаемым сообществам, результату некоего конструирования. Но народы с их этническим своеобразием продолжают существовать и воспроизводиться как благодаря, так и вопреки конструированию, а потому любые попытки этого не замечать или представлять лишь конструируемым иллюзорным процессом, едва ли плодотворны в научном отношении.

Если же брать за основу понимания феномена этноса такие атрибуты явления как язык, образ жизни, характер культуры, общность территории обитания и природной среды, то тогда становится непонятным, как можно называть этносом племя в качестве организационно-структурной единицы древности, если это племя окружают родственные ему, говорящие на одном с ним или близких диалектах, практически ведущие тот же образ жизни, сообщества людей? Вероятно, было бы более корректным именовать в таком случае этносом (типом этнической общности) не племя, а группу родственных племен – независимо от форм социально-организационной связи между ними и внутри них. То же самое можно отнести к народностям эпохи средневековья, очень часто рассредоточенным между различными феодально-государственными владениями. Но в их случае обозначенная в русском суффиксе –ость принадлежность к народу по признаку культурно-языковой общности действительно относительно точно характеризует данное сообщество людей как тип этнической общности.

И вот здесь следует сказать, что в подходе к сущности таких явлений как «этнос», «этническая общность», «этнические процессы», машинально следуя в теории формационному подходу марксизма, необходимого и вполне работающего в качестве инструмента понимания и анализа экономической основы общества, этнографическая наука по существу упустила эвристические возможности для постижения специфики собственного объекта изучения, природы этого объекта, основаниями которых также могли бы стать некоторые фундаментальные идеи теории К. Маркса. Здесь можно обратиться к основам материалистического понимания истории, изложенным Марксом и Энгельсом еще в «Немецкой идеологии»: «...уже с самого начала обнаруживается материалистическая связь людей между собой, связь, которая обусловлена потребностями и способом производства и так же стара, как сами люди, – связь, которая принимает все новые формы, а следовательно представляет собой «историю», вовсе не нуждаясь в существовании какой-либо политической или религиозной нелепости, которая еще сверх того соединяла бы людей»².

Связь, которая «стара как сами люди» – объективно необходимое условие существования человека, ибо именно она есть единственный способ его адаптации в среде обитания, передаваемый, в отличие от животных, не через гены, а через культурный код, воспринимаемый каждым в процессе социализации в том социуме, где человек появился на свет. Но это необходимое условие обладает способностью к изменчивости форм («принимает все новые формы»). Потребность в связи с себе подобными существовала и в первобытности, во времена становления человека современного вида, в форме человеческого стада. Но на определенном этапе развития человечества она стала приобретать этническую окраску. По-видимому, именно тогда, когда прогресс производства орудий труда («неолитическая революция») позволил создать специализацию в самих способах жизнеобеспечения человека. Таким временем, по всей вероятности, стал неолит. Специализация способов жизнеобеспечения человеческих коллективов и сообществ в определенной конкретной естественно-географической среде на том или ином виде деятельности определяла потребность в отборе и становлении языковых форм передачи накопленного жизненного опыта новым поколениям. По всей вероятности, именно это – появление и передача специализированных способов адаптации в среде, так же как возникавшая на их основе система миропонимания – становились главной причиной и механизмом процесса этнообразования. Изменения (совершенствование, заимствование, контакты с носителями иных способов) со времен неолита служили ведущими факторами трансформации этнических сообществ, динамики этнокультурных процессов. Конечно, прогресс в развитии человеческих способов жизнеобеспечения вел к многочисленным этно-трансформациям, но, можно сказать, что до самой эпохи модернизации и индустриализации основой этнического бытия народов

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т.3. С.28–29.

принципиально оставался прежде всего их специфический способ адаптации в среде обитания, а язык и характер культуры, как материальной, так и духовной, были его производными. Этому параметру соответствовали и народности эпохи средневековья.

Нельзя сказать, что этнографию идеи о важности связи или системы связей в обществе, в том числе в этнических процессах, вовсе миновали. К слову, возвращаясь к Марксу и Энгельсу, нелишне упомянуть, что понятие «связь» в оригинале «Немецкой идеологии» передано немецким словом “Verkehr”, которое хотя и переводилось иногда как «общение», но на самом деле оно означает не общение в смысле «коммуникация», а именно связь в отвлеченно-абстрактном понимании. О понимании связи в похожем смысле писал, например, такой классик отечественной этнографии XX в., как С.А. Токарев, и именно в работе, посвященной типологии этнических общностей. Рассуждая о попытках определить понятие, он осторожно высказал такое предположение: «...чисто формальное, пока весьма предварительное, определение понятия “этническая общность” могло бы гласить: этническая общность есть такая общность людей, которая основана на одном или нескольких видах социальных связей: общность происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии (если эта последняя сохраняется)»³. Здесь принципиальным отличием от попыток определить понятие через перечень суммы его признаков видится как раз то, что в основу определения предлагается положить принцип связи, причем не в каком-то застывшем виде, а довольно вариативном, предполагающим возможность изменений и динамики (один или несколько видов). Этот подход с очевидностью аналогичен положению Маркса и Энгельса: «связь, которая принимает все новые формы, а, следовательно, представляет собой «историю».

Предложенный С.А. Токаревым принцип положить в основу типологии этнических процессов и этнической общности тип или вид связи в обществе, к сожалению, не получил широкой поддержки коллег. Сам же С.А. Токарев, высказав такое важное суждение, больше к проблеме типологии не возвращался. И в теоретическом плане многие из этнографов по-прежнему продолжали искать необходимый набор признаков явления. Но признаки – результат, следствие, итог процесса, связь же – механизм и фактор его развития. И, исходя из понимания приоритетности роли связи (или связей) в оформлении сообщества людей в этническую общность, следует назвать как раз связь через специализированный способ адаптации в среде обитания, вместе с механизмами его передачи следующим поколениям, ведущим фактором этнокультурной консолидации длительного периода существования человеческих коллективов, начиная от неолита и до эпохи модерна. Это как раз тот период в истории человеческой культуры, когда взаимоотношения людей в пределах сообщества были всецело ориентированы на натуральное самообеспечение, и именно потому отличались стойкостью

³ Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. №11. С. 43.

передачи способа адаптации. Разумеется, это не были законсервированные, неизменные со времен неолита, способы адаптации, они изменялись и совершенствовались, неизменной же оставалась сама связь по коллективному этно-специфическому способу адаптации и его воспроизводству и передаче потомкам - ведущая форма этнической консолидации.

Описанный вариант связи по коллективно выработанному и воспроизводимому способу адаптации в среде свою этно-консолидирующую функцию начинает утрачивать только с переходом к индустриализации и модернизации, когда новым способом адаптации человека в среде обитания постепенно становится иной принцип: дробно дифференцированная деятельность по производству того или иного продукта и обмен в рамках сообщества результатами такой профессионально специализированной деятельности. При данном повороте сама специализированная деятельность уже не содержит в себе исключительно этническое своеобразие, главным фактором становится не этническая, а в первую очередь профессиональная специализация, качество ее продукта и его потребительская ценность. Этническое своеобразие в таких обстоятельствах сохраняется, особенно на первых этапах модернизации, в основном в сфере обмена результатами специализированной деятельности, для благоприятного функционирования которого нужен общепонятный язык и близость культуры обменивающихся фигурантов процесса. Но только на начальном этапе: чем дальше, тем сильнее на первый план выходят факторы производственной целесообразности.

Для понимания сути данных изменений в структуре общения, их влияния на этнические процессы, важными представляются идеи о характере детерминации социально-системных связей, высказанные К. Марксом в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.»⁴. В самом кратком изложении, их смысл заключается в том, что развитие человечества, его социального и экономико-хозяйственного базиса, по терминологии К. Маркса, идет от «систем с естественной детерминацией» к «системам с социально-исторической детерминацией». Система с «естественной детерминацией» как раз и соответствует этапу формирования этно-образующей связи в виде этнографически своеобразного способа адаптации в среде обитания, о котором сказано выше. Следующий за ней период возникновения «систем с социально-исторической детерминацией» имеет, по мысли Маркса, два этапа: «целостность производственно-экономического характера», соответствующая капитализму, и «действительная социальная общность» (социализм и коммунизм).

Становление «целостности производственно-экономического характера» примечательно тем, что все основополагающие связи в обществе имеют тенденцию подстраиваться под экономическую целесообразность, обеспечивающую наиболее эффективное развитие производства и обмена. Как отмечалось выше, в начале процесса дифференциации деятельности и обмена ее результатами

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. 1, 2; Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986. С.117–161.

целесообразность функционирования единого языка и близость культуры населения составляют необходимое условие успешного функционирования такой структуры связей по новому способу адаптации в среде обитания. Это в целом сохраняет этническую форму сообщества. Но по мере развития та же экономическая целесообразность начинает активно преодолевать этнические границы, втягивает в обменные связи перспективные с точки зрения развития производства иноэтнические территории и их население. Основаниями данного принципа реформирования производственных связей становится такой набор факторов, как наиболее соответствующее процессам производства товара сочетание источников сырья, населения, способного включиться в производство (производственные кадры), возможности внедрения промышленной техники, каналы сбыта продукции. Под такую перспективную форму связей подстраивается затем соответствующая производственная и социальная инфраструктура. Так оформляется каркас структуры буржуазных наций, в рамках государства представлявших собой этот новый целостный механизм и способ адаптации в среде обитания. Как правило, какая-либо из национально-этнических групп, обычно преобладающая численно, занимает в таком национальном организме ведущее положение, и ее язык становится основным средством межнационального общения.

Но целостность национальных связей государственного уровня состоит, особенно в крупных государствах, из суммы специализирующихся в том или ином производстве регионов, этнический состав которых чаще всего тоже формируется из разных включенных в производство и обмен компонентов. При этом районы наиболее интенсивного развития промышленного производства становятся и наиболее интернациональными по составу. Регионы Российской империи XIX в., особенно их города, очень наглядно отражают данную особенность. В частности, крупнейшие города в таких областях как Поволжье, Криворожско-Донецкий район, Кавказ, Прибалтика концентрировали смешанный этнический состав населения на обоих полюсах социальной структуры, то есть и буржуазии, и пролетариата⁵. Так происходил переход прежней функции этноса как носителя традиционного доиндустриального способа адаптации в среде обитания к новому способу адаптации, индустриально-промышленному, носителем которого становилась нация. Но нация была уже не этническим явлением, а гражданским сообществом. То есть не являлась типом этнической общности по ведущему характеру социальной связи, ее консолидирующей.

Коренное отличие нации индустриального общества от этноса когда-то очень точно подметил выдающийся испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. «Единство нации, прежде всего, подразумевает налаживание тесной взаимосвязи между этническими и политическими группами. Но этого мало. По мере развития государства, усложнения государственных потребностей растет дифференциация социальных функций и, стало быть, соответствующих органов. Внутри единого целого возникает ряд

⁵ Подробнее см.: Карлов В.В. Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М., 2010. С.154-158.

миров, где царит своя, неповторимая атмосфера, то есть имеются свои нормы, интересы, обычаи, идеи и настроения. Это миры военных, политиков, промышленников, ученых и творцов, рабочих и т.д. Словом, процесс объединения, в результате которого образовалось единое крупное государство, уравнивается разделением общества на классы, слои, социальные группы.

Все этнические сообщества, прежде чем войти в государство, существовали отдельно. Каждое из них было самостоятельной единицей. Наоборот, классы и социальные группы изначально представляли собой части целого. Первые, так или иначе, могут вернуться к независимости. Вторые никогда не жили и не могут жить сами по себе. Вся их суть в том, чтобы быть частями целого, элементами структуры, в которую жестко вписано их существование. Так делец нуждается в поставщиках сырья, в покупателях, в администрации, которая наводит порядок на дорогах, в военных, призванных этот порядок защищать. В свою очередь, мир военных, или “защитников” (...) нуждается в предпринимателе, крестьянине, технике.

Нация живет нормальной жизнью, когда каждая из групп понимает, что она только часть общества»⁶.

В свете сказанного, перед этнологом встает такой немаловажный вопрос: если этнос при переходе к обществу эпохи модерна утрачивает свою прежнюю консолидационную составляющую, но народы с их этническими свойствами и качествами, пусть и в измененном виде, с утратой ряда прежних черт и появлением новых, продолжают существовать и воспроизводиться, то какая же из новых связей в изменившихся условиях определяет их существование и воспроизводство? Данная исследовательская проблема пока не имеет серьезных и обстоятельных разработок, но предварительно, если следовать логике выделения ведущей связи в определении понятия общности, я бы обратил внимание на следующее. Если в «традиционном» доиндустриальном этническом сообществе практически почти все виды деятельности человека были этнически специфичны, то общество модерна строится на спецификации профессиональной. Профессиональная специализация в сфере общественного производства этническую специфику практически утрачивает - во всяком случае в ее технико-технологическом выражении. Но при этом остаются сферы деятельности, где место для нее остается. Это подготовка человека к профессии, к специализированной деятельности, в первую очередь система образования уже в ее профессиональном варианте, где национальные языки и национальная культура уровня как профессионального, так и фольклорного, продолжают сохранять свою этно-консолидирующую роль. Таким образом, социально-культурно-воспроизводственный комплекс становится одним из важных факторов, служащих консолидации этносов и поддержанию этнического самосознания.

Кроме того, этно-консолидирующие моменты функционируют и сохраняют важнейшее значение в процессе социализации, по мере усвоения индивидом присущей сообществу, к которому он принадлежит, соответствующей системы норм и ценностей, понятий о добре и зле, сфере императивов социально

⁶ Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994. С. 47–48.

одобряемого поведения⁷. Разумеется, ценностная шкала в современном обществе имеет массу других градаций – социальных, профессиональных, локальных и т.д. Но этническая основа в них тоже сохраняется и воспроизводится. Ибо, по наблюдениям литературного героя Ф. Ницше пророка Заратустры, «ни один народ не мог бы жить, не сделав сперва оценки. Если хочет он сохранить себя, он не должен оценивать так, как оценивает сосед»⁸. В данном отношении со времен Заратустры ничего принципиально не изменилось, а то, что оценка не может сохраняться вечной и неизменной, понимали и Ницше с Заратустрой. Но при этом она должна оставаться (и остается) наделенной этнокультурными характеристиками.

Таким образом, современный этнос утратил свою прежнюю основу консолидации – связь через этноспецифичный способ адаптации в среде. Воспроизводит он себя теперь в структуре сложных связей по профессионально специализированной деятельности и обмену ее результатами, долго опиравшейся на национально-государственные институты, а ныне все более тяготеющей и к глобальным сетевым коммуникациям. Многие этносы при этом пользуются и государственными, и глобальными связями, будучи часто рассредоточены между разными государственными и административными образованиями. Но если говорить о сохраняющей значение ведущей консолидирующей связи, то это теперь социально-культурно-воспроизводственный комплекс, плюс нормативно-ценностные особенности – факторы, воспроизводящие и поддерживающие до сих пор этническое самосознание. Задача этнологической науки современности состоит в том, чтобы отслеживать и исследовать тенденции функционирования, изменения и развития данных связей.

Что касается роли социально-культурно-воспроизводственного комплекса, которым народ обладает и который работает на его воспроизводство, следует при этом отметить специфику его функционирования в условиях «целостности производственно-экономического характера». Здесь особенно сложны условия его работы для этносов или их частей, составляющих этническое меньшинство как в составе нации, так и на региональном уровне. Главной трудностью для него является то, что с точки зрения экономической целесообразности – основного фактора функционирования системы – его существование, поддержка и развитие далеко не являются приоритетами. Если он существует, то скорее вопреки этой целесообразности. Экономически целесообразна только система связей, в т. ч. в образовании и культуре, обеспечивающих процессы обмена результатами деятельности профессионалов. То есть главным образом на основе государственного языка и профессиональной культуры общенационального значения. По этой причине воспроизводство малых этносов, их языков и культур, в условиях капиталистической экономики в перспективе достаточно проблематично.

⁷ Определение нормативно-ценностных стереотипов как «сферы императивов социально-одобряемого поведения» принадлежит отечественному этнопсихологу Б.Х. Бгажнокову: Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983. С.14.

⁸ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990.

В последнем отношении мысль К. Маркса о переходе детерминирующей общество связи от «целостности производственно-экономического характера» к «действительной социальной общности» остается до сих пор весьма актуальной фактически для всех народов мира. Опыт такого перехода в рамках советской системы связей, хотя остается сложным для анализа и довольно противоречивым в отдельных аспектах национального развития, тем не менее заслуживает внимания, несмотря на свою хронологическую ограниченность. Советская политика развития национальных языков, профессионализации национальных культур, закрепления административно-государственного статуса народов как раз никакими чисто экономическими «резонами» не объяснима по определению. Это был по существу «волютаристский» акт перераспределения национального дохода в целях подъема национальных культур всего этнического многообразия страны. И в данном отношении это стало настоящей реализацией перехода к связям «действительной социальной общности». Нынешние «элиты» постсоветских государств предпочитают этого не замечать и об этом не говорить вообще, предъявляя лишь множественные упреки в адрес советских властей, проводя политику «декоммунизации», и т. д. Однако декоммунизировать созданный коммунистами, порой с нуля, национально-культурно-воспроизводственный комплекс, позволивший им в том числе существовать ныне относительно самостоятельно, никто при этом почему-то не собирается, продолжая им пользоваться и на него опираться.

Смысл данного обращения к идеям Маркса о детерминации социальных систем применительно к проблемам этнологии, как теоретико-методологического, так и практического порядка, можно свести в итоге к тому, что эти разработки далеко не потеряли своего эвристического значения в целях анализа специфики этнокультурной истории человечества. Что же касается их практического применения, то они не менее актуальны, ибо перед человечеством стоит сложнейшая задача в целях сохранения цивилизации в ее культурном многообразии и человека как биосоциального феномена все же найти по возможности приемлемые варианты создания системы «действительной социальной общности».

Библиография:

- Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.
Зибер Н.И. Очерки первобытной экономической культуры. М., 1937.
Карлов В.В. Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М., 2010.
Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1887.
Ковалевский М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения. М., 1879.
Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1986.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е, т.3; т. 46. Ч. 1, 2.
Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990.
Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев, 1994.
Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. №11.

Bibliography:

Bgazhnokov B.Kh. Ocherki etnografii obshcheniya adigov. Nal'chik, 1983.

Ziber N.I. Ocherki pervobitnoy ekonomicheskoy kul'tury. M., 1937.

Karlov V.V. Narodi severo-vostochnoy Evrazii v XIX i XX vv. M., 2010.

Kovalevskiy M.M. Zakon i obichay na Kavkaze. M., 1887.

Kovalevskiy M.M. Obshchinnoe zemlevladienie, prichiny, khod i posledstviya ego razlozheniya. M., 1879.

Kuz'min V.P. Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa. M., 1986.

Marks K., Engel's F. Soch. Izd. 2-e, t.3; t. 46. Ch. 1, 2.

Nitsshe F. Tak govoril Zaratustra. M., 1990.

Ortega-i-Gasset Kh. Etyudi ob Ispanii. Kiev, 1994.

Tokarev S.A. Problema tipov etnicheskikh obshchnostey (k metodologicheskim problemam etnografii) // Voprosi filosofii. 1964. №11.